

В. А. МОШИН

Из переписки самозванца Тимошки Акундинова

В первой половине XVII в., когда новая русская династия Романовых, опиравшаяся на служилый класс, не удовлетворила желаний низших общественных слоев, в разных областях России, а особенно на казацкой Украине, много раз поднимались революционные движения, возглавляемые самозванцами, сулившими народным массам возможность социального переворота.

Последним из девятнадцати самозванцев этого периода был Тимошка Акундинов. Он родился в Вологде в октябре 1617 г. Его отец, стрелец Демидка, сначала торговал холстами, а потом жил у вологодского архиепископа Варлаама. Тимошка провел детство в хоромах этого архиерея, который очень любил талантливого мальчика и называл его «княжеским рождением и царевою палатою», что, по признанию Тимошки, внушило ему мысль о самозванстве. Получив здесь первое образование и научившись держаться среди знатных людей, Тимошка служил потом подьячим у известного московского дьяка и дипломата Ивана Патрикеева, а после его падения в 1645 г. бежал вместе с товарищем Косткой Конюховским в Литву, где выдавал себя за Ивана Каразейского, воеводу вологодского и наместника великопермского. Потом через Молдавию и Болгарию он пробрался в Константинополь, где объявил себя сыном царя Василия Шуйского; там он оставался три года и был вынужден «побусурманиться»; спасшись с помощью сербов, добрался до Рима, где перешел в католичество; скитался затем по Австрии, Трансильвании, Украине, Швеции (где принял лютеранство), Пруссии и Голштинии. Выданный Москве голштинским герцогом, Тимошка в 1653 г. был четвертован.

В историческом «досье» этого международного афериста, несомненно незаурядного человека, в течение семи лет умевшего внушать к себе доверие европейских государей и дипломатов, сохранилось несколько писем, небезынтересных с литературной точки зрения. В живом языке подьяческого пера привлекают внимание отдельные украинизмы («нехай» в письме Костке и др.), которые Тимошка мог вынести из обихода Демидкиной семьи или приобрести за время пребывания в Польше, а может быть, они вошли уже в речь Москвы, в период живых связей с киевлянами. «Высокий» официальный стиль московской дипломатии и администрации — в послании князю Милютину — несомненно идет из школы дьяка Патрикеева, который, по словам Тимошки, дал ему образование, был ему «друг и оберегатель», «обо всем советовался» с ним и был даже посвящен в его самозванческие планы.

Особенно интересны в переписке Акундинова послание сербского церковного собора из Морачи в Рим по поводу унии, в составлении которого русский самозванец несомненно принимал личное участие (что видно по многочисленным русизмам наряду с хорватизмами миссионера Джованни Паскуале), послание князю Милютину вместе с рекомендательным пись-

мом сербского князя Тома из Старого Влаха и письмо Костке из Рима.¹ Первый из этих документов хранится в архиве Конгрегации пропаганды в Ватикане; в труде Е. Ф. Шмурло из него помещен только отрывок, относящийся к самозванцу, который приводим ниже:²

«Светому отчскому и апостольскому събору Великие божие цркъве Римские намесником и правителю и гръденалом наивше над всеми епискупи епискупа главнога римскаго папы, а нашего великаго господина, о господи дльжное поклонение до лица земли.

Волею бежиею патриарх сръбскы и поморьскы отъц Паисей представи се. И нарекосмо на патриарство от братъи наших епискупов еднога вреднога редовника именем Гавриила, коега с вьсем събором нашим на уреченни дан изсвръшито учинити и посветити, ако бог да, хотим.

С коим наречением патриарха Гавриилом, све колико старога умрѣлаго патриарха Паисея движиме и недвижиме ствари, добависмо на наше руке, между коима и найдосмо свету и почтовану книгу римскаго папы, коя е писана реченому старому патриарху, кою он беше знал един келеине, а не саборне. И они дар от светые цркъви римские, то ест благословлена коруна епискупска не се могла съкрити, и не сакрила се в невидимости блата: оно благословлено сребро и золото, и веча милость папежьска, кою ми видети своими очима свы колици власти и митрополити стиснусмо рамена свои чудити се и дивити се. А то каючи се, в свое срдьца ачищаючи прах незнаемости. Що смо не знали и забыли главу от цркъви старога отца и пастира пресветога папу. И сви колици възведосмо свои очи к сиянию негову, како то от свега света светилу, наредисмо и одабрасмо послати поклицара в Рим к негово светыне еднога вреднога от свега нашего събору сръбскога поглавита, митрополита будимланскога и от все арбанашке земле, даючи нему моч за укрепити любов и задати послушаньство главе от цркъви, единому отцу и пастиру нашему папе, не новим начинном али старим, како и други земли, Малая и Белая Русия, тако и мы.

И тако смо укрепили и постановили све то за извршити речением нашим великим поклицаром митрополитом будимланским и арбанашким, коега хтели бисмо и саде в Рим послати, за що доидоше нам велики тугы и неволи отоманьскы за нашъ грех и непослушанство пред неговои светыни, али не могосмо то учинити докле посветым нашего патриарха; да к тому же умислили смо пръве изскати тестир от негови светыни, да допустит доч в Рим нашему великому поклицару реченому. И даде нам бог добротив згуду за испунити нашу мисл. Чудним начинном вьсемогучия божия сила из рук отоманьских ослободила пресветлога господина московскаго царевича Иоана Василиевича Шуйскаго, великаго кнеза великопермскаго, кои имаючи пут завратити са ва свое владане, имал волю и в Риму бити и светым мощем се поклонити; а бивши он одавна наш господин и патрун и от цркъви ктитор, припоручисмо у skut негова величанства от вьсега сабора нашего избраннаго брата великие лаври Богородице строе-

¹ Об Акундиновс см.: С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. V, т. 10. М., 1961, стр. 464—467, 564—567, 569—571, 607—611; Е. Ф. Шмурло. Римская курия на русском православном Востоке в 1609—1654 гг. Прага, 1929, стр. 174—180; см. также примечания во II части, стр. 204—210, где приведен весь материал из архива Конгрегации пропаганды и цитирована предшествующая литература. Южнославянский материал см. в статье: В. Мошин. Руски самозванец и Дубровник. — Хисторијск зборник, V, № 1—2, Загреб, 1952, стр. 71—84. О роли Акундинова в истории сношений сербов с Римской курией см.: В. Мошин. Из истории сношений Римской курии, России и южных славян в середине XVII в. — В кн.: Международные связи России до XVII века. Под ред. А. А. Зимина и В. Т. Пашуто, М., 1961, стр. 491—511.

² Публикуемые далее тексты воспроизведены с некоторыми упрощениями орфографии (по правилам ТОДРА).

ние царьско от Морачи из примориа сръбскаго, великого логофета и еписарха Феодосия ради лемозини с царьскимъ русоволем, коему дадосмо ову книгу нашу, да има предати до пресветлога и превисокога светого сабору римскаго нашу понижену молитву, за кою молимо вашу ведрину: допустите нам от негови светыни приведрои власти и честитости папиной имати благослов и тестира за нашего нареченаго поклисара ради утврѣждения више реченой нашей потреби. Ово ми упадаеми на землю пред неговои светыни и любимо нему ноги и подѣшожие неговех ног, нека нам заповеди: божи смо и негови послушници и раби вековни.

Писано в земли Сръбсцей великой лаври царьской на саборе морачком лета от създаниа мира 7156, спасение же 1648 фервара 1 дан.

И в место других митрополитов и епискуп и в место игумена Григориа са братиею и всего сабора руку приложил Смирени Паисен божиею милостию митрополит будимланский и абранашкы в свое место».

Под текстом печать и около нея подпись: «Смирений печатник иеромонах Осиф».

Из Морачи Тимошка проехал к католическому епископу в Котор, а оттуда через Венецию в середине апреля прибыл в Рим. Предполагая сначала из Морачи ехать в Дубровник, он заручился рекомендательным письмом князя Томы из Старого Влаха к какому-то князю Милютину. Не воспользовавшись им своевременно, Тимошка переслал письмо Томы Милютину вместе со своим посланием позднее из Рима. Письма чрезвычайно интересны, поскольку в связи с авантюрой самозванца говорят о тогдашних важнейших проблемах — роли России в освобождении славян от турецкого ига и борьбе за православие против католической пропаганды. Князь Тома пишет князю Милютину:

«Си лист да се преда под печатом кнезу Милютину.

Благоверному и Христом възлюбленному приателу нашему, зело възлюбленому господару кнезу Милютину: смерено и любовно метание сътворяю блаженству твоему кнезе Фомо с братиами од Старого Влаха. По сих да веси. Той господар христиански с своими служители, благоволившу богу, свободи се од нечастивих език, и доиде к нами всаку милость и любовь показа, а поиде с богом на Дубровник до честитого властела. А ми се надеемо на бога, паки на вас приателе верне — применете сего яко господара по достоинству въместо нашего образа. Буди сему приател и сьродник, и щогое поищет от вас, не моите сему възбранити, и тайну егову съблюдите, тако вас молимо усръдие. А много писат за малохартие за велика господара не может и наш разум постигнути, еже сами ваше благородие очима узриши. Нам же он зело достоверен Христу раб, тои же тебе и маздовъздател, и нам хоче бити приател вечни, ако бог даст мир и здравие и многа ви лета в животе и здравии и спасени».

В конце письма подпись и приписка с приветами родственникам. Письмо не датировано.

Тимошкино письмо из Рима 6 июня 1648 г. адресовано: «В Сербскую землю, в Дубровницкой уезд, достойному Милютину князю». Текст его следующий:

«Иоан Тимофей изо Владимира, Владимирский и Шуйский господар иже несъм доволен нареци се княз за отлучение от местнаго нашего княжества Велико-Пермьскаго и за отлучение от исконнаго нашего прародительнаго и отечскаго достоаниа от великаго царствия Московскаго, зане бых во пленении у нечестивих и гнусних Тартар и у Турков, них же помощию божиею и промыслом праведних и благочастивих друзей наших сьрбов избавль се, и путшасвуя ко своему достоанию странствую ныне во странах латинских, благодатию божиею не нищеско, ни пленничаско, ни

странничаско, но свободно и откровено и славно, от славних царских свидетельств и ясных праведних указаний яко наследник и последнее славнаго великаго Василиа Ивановича изо Владимира, Владимирскаго и Шуйскаго князя и великаго царя от великаго и високопрестолнаго царствиа Московскаго и всеа благочестивые Росие и всеа северниа и полунощниа страны и варварьских езиков и прочя, еще же есмь княз земли Велико-Пермьския и блюститель и назирател праведних и благочастивих скипетра сродников наших стародавних блаженна память деспот и князей и воевод сьрбьских и прочя.

В Сербьскую землю в Дубровницкой уезд обще всем поселяном, особно же избранному князю Милутину всякоя части и хвалы достойному божественнаго благословения и благообразнаго здравиа любительно желаю.

Не диви се, Милютине кнеже, да те толико любим и узвишуем. Не ми тебе узвишуем, господин бог те узвишуе, зашто си верен и почтен и вреден, и твоя вредность усилова ме тебя прославити и поздравити из далеких места, из Рима, добре тебе хоте быти, да имаши нас приетеля себе по приятельства достоинново кнеза Фомы ис Старога Влаха, от коега не сужено мне было тебе припоручену быти, зашто не приидох у Дубровник, но приидох на Котор и у Венецию. Али Томину препоручену книгу сокровенно ныне к тебе посылаем, да знаеш, колико может православных любовь и приятельство, коему я свако добро вековно желаем.

По сих разумей. Како доиде к тебе сия наша почтована книга, дозови вси колици кметовы разумни и праведни, и прочати им книгу нашу на утешение и на любовен разговор, како мы велику имама к ним любовь, и с помощию божиею в малых летех учиним их от Турков свободити се: аще уповают и веруют, ниека се молят господину богу, и да живут благочастивно, любяще друг друга. Се уже милость божиа близу их — мудрому довлееет — тайна сия велика есть. Тебе же подобает царьску и княжеску тайну таити, а божиа дела проповедати между православными, а Латинцов отбегати и везде ся от них отлучать, по апостолу Павлу: еретика человека по первом и втором наказании отлучай се. И тако видите и разумейте, да суть Латинцы прелестницы, отлучайте се их.

Ожидайте от нас другой книги полезной вскоре. А ко ову книгу вам донесет, молимо вас за любовь божию учините им велику часть и велику любовь; и што им учините — мне учините. И знайте: труждающих се и помогающих нам наших превожделенных отцов и богомольцов и схимников обители пресветые Богородицы Успения иже на Морачу, яко истинно есть кралевскаго строения их монастырь, коега мы славим, и што дале то вече, и от отечества нашего славити будем; еще же и сам бог обитель ону светую высоце прославити благоволил и дарова им примити храму мощи угодника...³ яко о том сами носители книги сея возвестят вам... правую любовь и веру ко светой морачевской обители... милостыню по силе послать им не щадите, да и вас пощадит... и свободит и сотворит вас Турком и Латинком страшных, и всякаго озлобления вышших. Аминь. Писано в Риме лета 7156 (т. е. 1648 г., — В. М.) июня в 6 день у среду».

Под этим письмом подпись и восковая печать, сделанная для Тимошки в Риме.

Не останавливаемся на двух письмах, посланных в Котор 4 и 14 июля (писаны по-славянски латинским письмом Тимошкиным секретарем доминиканцем Габриэлем Корреисом). В первом «Иоанн с Владимир Шуйски палатинус Пермие» сообщает генеральному викарию Джованни Паскуале, что был принят папой; во втором он рекомендует доктору и поэту Николо

³ Здесь и далее текст закрыт печатью.

Вракиери своего секретаря отца Габриэля Корреиса и коморника Константина со своими «секретами» и просит принять их «весело и добровольно».

12 июля Тимошка послал из Рима большое письмо «коморнику нашему Константину» в Анкону (адрес написан латинскими буквами). Самозванец пишет:

«Иван благодатию божиею сам еже есмы.

Вернемилому и креплему страдальцу за мой живот Константину Евдокимовичу милость божия и благословение божественное и утешение полезное, а затем ласка наша и любовь княжеская. Писал к тебе три грамотки: знаем, что тебе мимо уши не пойдет, али писамцо сердцу дойдет, и ништо мимо дело учинити не можешь и не похочешь для себя а и за нас з готовово (?) составляти по времени смотря, што оставлено на твоей воли. А указу к тебе не посылаю, потому што скорбию великою за тебя, за великую скудость и недостатки твои на ныне многострадальном пути, и за дело нам зрю на кое тебя послах, али за тебя и за твое здоровье мышляю, како писах, толь сердечно и толь горячо, да мышляю сам и готовлюсь для тебя итти в Якинью. Чаю тебя тамо найти, только подлинно не знаю, и кабы знал не бы и писал: воистину бы уже ишел теперь на путь. Для того, сын мой, отпиши ко мне, где сидишь теперь? А ежели даст бог, да не в Якинью сидишь, а дошел в Дубровник, старайся же ты тоже не за себя самого, потому што я за тебя стараюсь и моя голова за твою голову; али старайся ты за мое дело забывь себя, потому што я в том деле сам есмы, и нехай твоя голова за мою голову, а бог благи бы за всех нас, иже от нас не отстует, а всегда сохраняет, на него же надеемся яко и еще сохранит по божескому и православному делу. А ты же смысли, коль далеко от главы до главы, толь далеко от моей ласки до твоей любви. Итак, будет тебе явно пред очима, коль велика ласка наша княжеская тебе верному рицалу и ближнему человеку. Такой тебе разговор посылаю и то все подкрепляю, да милостью божиею есть и будет во истину и в правду путь добрый и счасливый в Москву и на Астрахань и на Казань. Чти в преждеписанной грамотке, имейся добре, а пиши нам о всем подлинно. И вторицею приказываю: не дремли и отвори очи, чувайся по-латинску, а не по-московску; не забывай писат ко мне и часто учащай грамотки писать. Здоровь сын мой буди и терпи и стражди яко мой верный ближний служебник, а призывай в помощь аггела божия Рафаила, ему же тебя богомь вручаю. Аминь. А ежели живешь в Якинью, знаи же: я писах Иерониму Перони о помочи, и сам вскоре буду. Не кручинься, стой весело, и меня ожидай вскоре, а вам буду писать пространнее в другой грамотке. Теперь мало пишу, а много скорблю, да радость приобретаю божиею помощию. Аминь.

156, июля въ 12 день, в вторник в Риме».

Второе письмо, посланное «верненаимильшему страдальцу» в Дубровник через четыре дня после первого, сообщает о переписке с дубровницким консулом в Анконе Л. Сторани и дубровчанами М. Бобали и И. Перони, находившимися тогда в Анконе. Имеются еще три письма — от 20 и 24 июля и 1 августа — доминиканцу Габриэлю, написанные по-итальянски, с сообщением о ходе разных хлопот.

Полагаем, что Тимошкина переписка заслуживает внимания как памятник московской эпистолярной литературы XVII в., своеобразный по языку и по стилю, и представляет интерес как исторический источник, комментирующий вопросы, особенно занимавшие тогдашнюю общественность: проблему самозванцев, связанную с критикой государственного и общественного строя, борьбу православия против экспансии католицизма и идеологию освободительной миссии России на православном Востоке, в частности на славянских Балканах.